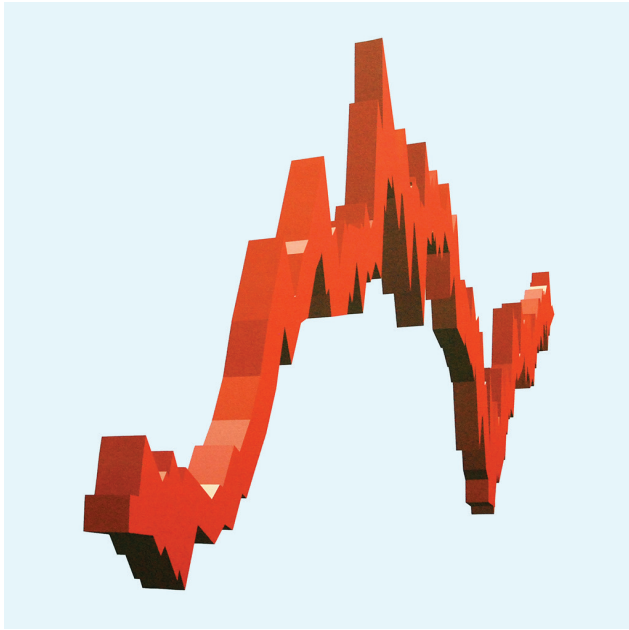

Мирослав Кульчицкий: Детство Ду Джонса, 2009.

«диссидентского искусства», (которым оно, вероятно, являлось лишь в редких случаях), поблек, и с того времени, как российская политика снова начала ориентироваться на национальные истоки, интерес к современному российскому искусству на Западе значительно ослабел. Сегодня лишь несколько арт-институций активно занимаются неконформистским искусством. Из неконформистов Аспай демонстрирует работы Бахчаняна, Инфанте, Янкилевского, Яшке, Кабакова, Монастырского, Немухина, Штейнберга и Жигалова.

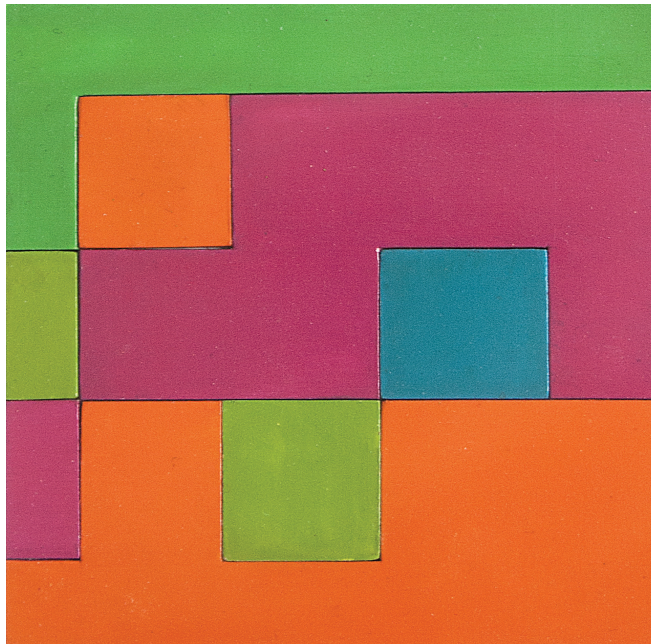
АСПАЙ И ОДЕССКИЙ КОНЦЕПТУАЛИЗМ

Поле деятельности Аспай ограничено кругом энтузиастов искусства. К ближнему кругу относятся Хэнгсен, Хюттель, Край, Кучьмински, Леманн, Микрут, Эггелинг, Бройдо, Фальк-Ферхайен и Роговски, а также друзья и знакомые, чье понимание эстетики остается нам близко, и чьи работы мы высоко ценим. Художникам круга Аспай присуще общее стремление обосновать действенность искусства как средства адекватного постижения реальности. При этом авторы поднимают фундаментальные вопросы: для чего существует искусство? Кому оно служит? Что должно выполнять искусство, а что лучше оставить в стороне? И не следует ли нам – чтобы провести разграничение с традиционным понятием искусства –

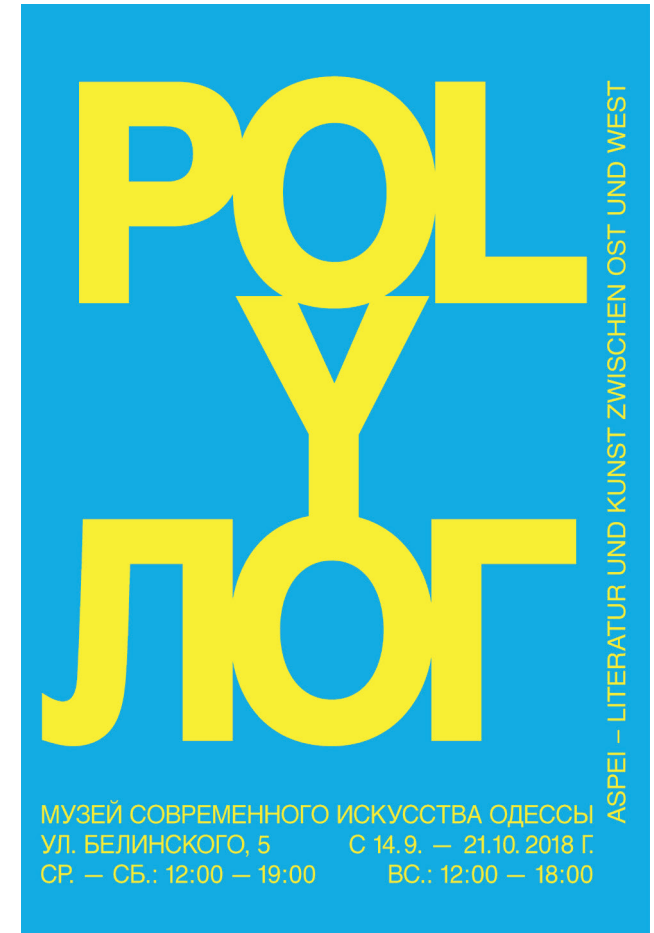
вообще отказаться от такого определения?

Обоснованность подобных вопросов о смысле и цели искусства должна быть в свою очередь подвергнута метатеоретическому исследованию: зачем и почему искусство или культурная критика занимаются рефлексией по поводу их – возможной – значимости для общества? Пытается ли искусство тем самым себя легитимировать в социальной плоскости? Изменяет ли такая рефлексия социальную ценность искусства? Почему искусство постоянно стремится к изменениям и видоизменениям, хоть и зависит от безвременного эстетического идеала? Эти вопросы и обсуждают к примеру, Ануфриев, Карабинович, Кульчицкий, Лейдерман. Одесские художники и культурологи, с которыми нам довелось ближе познакомиться, и чьи работы мы ценим, исповедуют вполне конкретный подход к социальной реальности и рефлексии по поводу смысла и цели искусства. Многообразие мнений и воззрений, характерное как для Аспай, так и для Одессы, рассматривается в данной выставке и каталоге к ней. В целостном представлении текста и образа проявляется – по нашему убеждению – осмысленное понимание, показывающее, как современному искусству удастся постигать реальность: по ту сторону государственной доктрины и экономической целесообразности.

Мартин Хюттель, Пер.: Аркадий Бройдо

Элли Фальк-Ферхайен: Кусок из Клеве, 2013.

Плакаты к выставке.

POLYLOG: АСПАЙ–ОДЕССА

Центром актуального культурного ландшафта Одессы является основанный в 2008-м году Музей современного искусства Одессы (МСИО). Основное внимание здесь уделяется искусству Одессы, но также в музее выставляются работы художников, которые родились в Одессе и впоследствии переехали – Владимира Наумца (Кельн), Юрия Лейдермана (Берлин) и многих других. Коллекция музея намеренно ограничена локальным искусством, что позволяет сохранять тесный контакт с одесскими художниками и при этом также вести активную выставочную деятельность. В многочисленных разговорах между Аспай и музейной командой, сложившейся вокруг Семена Кантора, было решено провести

Бернд Шультхайс: звуковая инсталляция «Лестница», 2017.

совместный выставочный проект. Выставка пройдет с 14 сентября по 21 октября 2018 года в МСИО под названием «Ролуог», в рамках программы мероприятий к выставке запланированы поэтические чтения, перформансы, а также доклады искусствоведов и культурологов.

НО ЧТО ЖЕ ТАКОЕ АСПАЙ?

Аспай представляет собой некоммерческое художественное объединение, официально основанное в 1996-м году в Бохуме, Германия. Но многие участники Аспай знакомы друг с другом уже с 1970-х годов, например, благодаря учебе на отделениях славистики. Во время многочисленных поездок в Москву они познакомились с ее культурной сценой, и многие из этих контактов поддерживаются до сих пор, хотя некоторые московские художники, такие как Штейнберг, Немухин, Некрасов, Пригов, Холин и Сапгир, к сожалению, уже ушли. Деятельность Аспай всегда была основана на понимании искусства не столько как работы отдельных индивидов, сколько как энергичного взаимодействия художников, литераторов, культурологов, дизайнеров, музейщиков, журналистов, издателей, фотографов, программистов и не в последнюю очередь любителей искусства. Лишь в сложном переплетении различных позиций искусство реализует себя как общественно значимый феномен.

ОБРАЗЕЦ – МОСКВА?

Этот вопрос неизбежно возникает из истории московского нонконформистского искусства, которое всегда вызывало у Аспай особый интерес. Московские нонконформисты ощущали себя до середины 1980-х годов оппозицией по отношению к господствующей культуре, которая подавалась под именем социалистического реализма. Большой успех у публики, которого неофициальное искусство добилось в 1980-е годы, да, собственно, уже с «бульдозерной выставки» 1974-го года, основан, прежде всего, на том, что его образцы воспринимались как живой протест против закостенелого советского истеблишмента. С момента проведения аукциона Сотбис в 1988-м году в Москве, на котором неофициальное искусство добилось

Будьте первым, кому это понравилось.

Николай Карабинович: Скриншот, 2014.

Владимир Немухин: Аспай, 2004/2018.

крупного коммерческого успеха, оно вдруг стало считаться пригодным и для салонов. Признание на рынке означало до некоторой степени эстетическую и идеологическую легитимацию. Это, однако, вело к утрате данным направлением протестного потенциала, оно начало служить декоративной вывеской для гласности и перестройки. Другими словами, оно превратилось в системно-конформное средство пропаганды процесса общественной трансформации к «свободному» капиталистическому устройству общества. Соответственно, нонконформисты получили поначалу восторженный прием на многочисленных выставках на Западе. Впрочем, уже вскоре за этим «бонусом восточного блока» последовало отрезвление. Миф нонконформизма как